

ТРИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДА

Поволжская археологическая экспедиция с 1959 г. ежегодно исследует средневековые памятники Нижнего Поволжья¹. Этот район некогда был центром Хазарского государства, затем последовательно заселялся печенегами, гузами, половцами, являлся центральным районом Золотой Орды, а в XV—XVI вв. здесь располагалась Аст-

¹ В организации этих работ принимают участие исторический факультет МГУ, Институт археологии АН СССР, Астраханские и Волгоградские областные управления культуры и советы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

раханское ханство. Кочевнические курганы раскопаны в этом районе в большом количестве. Исторический процесс, протекавший в средние века на землях Нижней Волги, может быть понят только при изучении взаимовлияния и взаимопроникновения двух общественно-экономических стихий — кочевой и оседлой.

Проверочные поиски Поволжской экспедицией столицы Хазарии Итиля (VIII—X вв.), якобы найденного Л. Н. Гумилевым², ни к чему фактически не привели. Крупно-

² См. Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М. 1966, стр. 18 сл., 23 сл.

го городища, соответствующего большому городу IX—X вв., в Нижнем Поволжье пока не обнаружено. Возможно, город был смыт. Но вероятнее всего, та эпоха вообще не знала еще длительной и систематической оседлости, а сам Итиль был исключением, лишь подтверждающим правило, — центром администрации и транзитной торговли Хазарского каганата, причем скорее ханской ставкой, нежели порождением оседлого района. В XI—XII вв., когда здесь существовал Саксин³ — город гузов, возникший, по-видимому, на месте Итиля, — степи по Ахтубе и Нижней Волге находились в распоряжении кочевников. В конце же XIII—XIV вв. на этой территории возникли золотоордынские города.

Уже высказывались мнения о причинах быстрого роста этих населенных пунктов в XIV столетии, их своеобразии и отличии от феодальных европейских и среднеазиатских городов⁴. Вероятно, города улуса Джучи являлись вначале центрами сосредоточения рабской рабочей силы, доставлявшейся сюда кочевниками-монголами из покоренных ими стран. Известно, что вожди кочевых племен в районе своей ставки, обычно на зимовках, создавали принудительные поселения военнопленных, трудом которых доставлялись кочевым ордам продукты земледелия и ремесла. К тому же награбленные ордынцами материальные ценности требовали реализации в торговле и ремесле, что могло найти осуществление в первую очередь с помощью жителей городских поселений. Наконец, необходимость создания административных стационарных центров тоже было немаловажным фактором этого процесса.

В отличие от русских и среднеазиатских городов, являвшихся продуктом длительного исторического процесса развития и аккумуляции ремесла и торговли, степные золотоордынские города возникли сразу, на «пустом месте»⁵, как новые, «ханские» города и стремительно разрастались, стимулируемые притоком материальных ценностей и рабочей силы. Они так же противо-

стояли кочевой ставке, месту пребывания хана, как одновременно противостояли и соединялись в Золотой Орде оседлый городской (либо сельскохозяйственный) уклад и кочевая степь⁶. В первое полулетие XIV в., в эпоху сильной ханской власти, это соединение двух хозяйственных укладов было довольно прочным, хотя держалось не на взаимопроникновении и срастании их экономики и культуры, а искусственно, на единении кочевой знати с бюрократическим вельможным и духовным «патрициатом» города под общей деспотической ханской властью. С течением времени города феодализировались; дворцы знати, бывшей еще недавно кочевой, становились городскими хозяйственными и производственными единицами; рабы, согнанные в эти города, постепенно превращались в полусвободный городской плебс. Все эти процессы были бы недоступны изучению, если бы не археологические работы, так как письменные источники почти ничего не говорят о социальных явлениях в Золотой Орде.

Еще в начале 1920-х годов Ф. В. Баллод производил раскопки на золотоордынских городищах Нижней Волги, правда, очень недолго — у с. Селитренного в Астраханской области (остатки Сарая-Бату, построенного Батыем и бывшего какое-то время главным политическим центром Золотой Орды) и у с. Царева в Волгоградской области (остатки Сарая-Берке — столицы улуса Джучи)⁷. Он предложил схему социальной топографии этих городов, выделив районы дворцов, усадеб знати, административные и производственные районы. Теперь эта схема пересмотрена: после 14 полевых сезонов выявилась несколько иная картина социальной структуры золотоордынского урбанизма. Наиболее характерную в этом отношении картину дали раскопки Сарая-Берке⁸.

Были исследованы усадьбы знати: окруженные четырехугольной земляной оградой дворы с обязательным бассейном-водоемом, с богатыми домами в центре. Обычно

³ Г. А. Федоров-Давыдов. Город и область Саксин. Сборник «Древности Восточной Европы». М. 1969.

⁴ В. Л. Егоров. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. «История СССР», 1969, № 4.

⁵ Пока археологические исследования нижеволжских и северокавказских золотоордынских городов нигде не дали субстратного культурного слоя предмонгольского времени.

⁶ См. Г. А. Федоров-Давыдов. Города и кочевые станы в Золотой Орде в XIII веке. «Вестник Московского университета», 1965, № 6.

⁷ Ф. В. Баллод. Приволжские Помпены. М.-Пгтр. 1923; его же. Старый и Новый Сарай — столицы Золотой Орды. Казань. 1923.

⁸ Подробное археологическое описание части раскопок см. в сборнике «Поволжье в средние века». М. 1970.

усадебная имела два дома, построенных рядом и строго симметричных друг другу. Дома воздвигались или сплошь из сырцового кирпича, или с кирпичными цоколями и деревянными панельными стенами. Внутри всегда имелась п-образная лежанка («суфа») вдоль трех стен, с печью и горизонтальными дымоходами — каналами, вделанными в одну из лежанок для ее обогрева. Полы, земляные или кирпичные, иногда имели в центре отверстие и резервуар под полом, куда стекала вода. Это были умывальники типа среднеазиатской «тошны». На внутренней обмозке печей делались насечки для выпечки лепешек.

В восточном пригороде Сарая-Берке раскопаны три усадьбы, расположенные вдоль одной улицы. Здесь можно проследить постепенное развитие застройки этой улицы: сначала была построена усадьба с двумя симметрично спланированными центральными домами для хозяев, обнесенная стеной. Затем вдоль стены появились дома, в которых, по нашему предположению, жили рабы, вольноотпущенники, клиенты, администрация — все те, кто обслуживал усадьбу. Эти дома были значительно беднее хозяйских, с деревянными стенами в сочетании с кирпичной кладкой внутри. К усадьбе была пристроена вторая, с богатым господским домом, водоемом и домами зависимых людей, возведенными по единому плану. В первой усадьбе работал ремесленник-косторез, во второй — тоже косторез, а также ювелир (найжены обрезки золотой проволоки и пластинок, заготовки, готовые изделия из золота, тигли с капельками золота, разрушенный горн). Наконец, возникла третья усадьба, вторая же пришла в запустение. По-видимому, золотых дел мастер перешел работать в эту усадьбу, жил он сначала в землянке, потом в большом деревянном доме. Затем его деятельность, должно быть, прекратилась. На месте его мастерской появилась гончарная, от которой сохранились два горна по обжигу поливной красноглиняной и штампованной сероглиняной керамики.

Перед нами усадьбы знати, постепенно обставленные хозяйственными и производственными помещениями, а также домами зависимых людей. Несколько ремесленников сосредоточивались в одном хозяйстве, работая на владельца усадьбы. Производство — мелкое, не рассчитанное на большой рыночный спрос. Но благодаря материалам из третьей усадьбы можно поставить вопрос об освобождении некоторых ремес-

ленников от уз усадебной администрации и переходе на положение полусвободных городских жителей. Об этом писал еще в XIII в. П. Карпини: «Они (монголы.— *Авт.*) забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия... Они (рабы.— *Авт.*) мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку»⁹.

В центральных районах Сарая-Берке жили мелкие торговцы и ремесленники. Организация ремесла была здесь, видимо, территориальная: ремесленники одной специальности объединялись по кварталам и улицам (в отличие от усадебного принципа, когда мастера разных профессий сосредоточивались в одном хозяйстве).

В центральной части Сарая-Берке был раскопан перекресток двух больших улиц с арыками. Выяснилось, что еще до возникновения уличной планировки на этом месте находились обширные землянки. Они не имели печей, отапливались только жаровнями и являлись жилищами для рабов. Впоследствии в силу общей тенденции развития феодального города население этих землянок постепенно освободилось от рабской зависимости, и жилища такого типа были заменены сначала полужемлянками, а затем наземными домами. Возникли мелкие усадьбы этих «черных» людей, появилась и уличная планировка. Характерно, что если в аристократических усадьбах соблюдалось частное водопользование, то в этой, «плебейской» части города несколько мелких усадеб, сосредоточенных в одном квартале, имели общий большой водоем — «хаус».

В южных пригородах Сарая-Берке была исследована большая усадьба богатого человека. Многокомнатный хозяйский дом соседствовал с большой землянкой, видимо,

⁹ Плано Карпини. История монголов.— Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М. 1957, стр. 58.

жилищем рабов. В то время как в районах бедняков такие землянки исчезают, уступая место пусть небогатым, но все же наземным домам, здесь даже в поздний период развития усадьбы строится обширная, рассеченная на много людей землянка без печи и каких-либо удобств. Эта усадьба, кроме того, свидетельствует о переходе кочевой знати к оседлому, городскому образу жизни. Во дворе ее рядом с многокомнатным кирпичным домом были открыты кирпичные обкладки юрт — реминисценция кочевого быта знати. Особый интерес вызывают две богатые усадьбы в юго-восточном, видимо, аристократическом районе города. В середине XIV в. дом одной из них, двухкомнатный сырцовый, сохранял некоторые архаические черты домостроительства, связывающие его с традициями монгольских городских построек Центральной Азии. Дом второй усадьбы был более сложным в плане: по периметру небольшого внутреннего квадратного двора шли комнаты (очевидно, хозяйственные), а в углах, расположенных на концах диагонали, имелись два помещения типичной для золотоордынских городов планировки, с суфами и печами — тандырами. Вдоль ограды усадьбы располагались землянки, с юга и севера во двор к ней вели двое ворот, причем по обеим сторонам южных ворот находились еще два дома, которые состояли из нескольких жилых комнат, каждый с массивными стенами (вероятно, жилище стражи и усадебной аристократии). На территории усадеб были расположены водоемы, обложенные огромными сосновыми бревнами.

Во второй период существования усадеб (вторая половина XIV в.) они подверглись перестройке. В первой усадьбе дом был сломан и заменен другим, значительно бóльшим, сложенным из жженого кирпича, с башенками по углам, с порталом и множеством комнат. Это уже небольшой дворец среднеазиатского типа. Дом второй усадьбы сохранился, но был дополнен на свободных углах квадратного двора лишь двумя строениями. Этот жилой комплекс, примечательный только некоторой симметричностью в начальный период, принял затем вид полностью зеркально симметричной постройки, характерной для домостроительства золотоордынских городов. Землянки, находившиеся вдоль стены усадьбы, были заменены кое-где построенными по единому плану маленькими домами с глинобитными или деревянными стенами. Все

это позволяет проследить, как вокруг аристократических усадеб с течением времени возникали дома зависимых людей, клиентов, вольноотпущенников и рабов, усадебных ремесленников и т. п. Перестройка главных домов дает возможность увидеть, как усадьбы, вероятно, монгольских аристократов, поселившихся в городе, богатеют, превращаясь в жилища членов городского «патрициата».

Но в 1360-е годы первую из этих усадеб расчленили на две части, сломали некоторые постройки и проложили через нее линию фортификационных сооружений — ров и вал. Это произошло в силу обострения междоусобной борьбы в Золотой Орде, когда Сарай-Берке стал объектом воледелений враждовавших между собой группировок ханов и ноёнов. Одну такую группировку составляли ханы Золотой Орды, имевшие юрты в низовьях Сырдарьи. В 1360-е годы они неоднократно и на длительные сроки захватывали Сарай-Берке и власть в улусе Джучи. Привычные для них среднеазиатские города — Сыгнак, Янгикент, Дженд — были защищены стенами. Быть может, именно эти ханы и распорядились окружить Сарай-Берке линией вала и рва. Но в городе имела сильная аристократическая прослойка, враждебная новой ветви джучидской династии и вступившая с нею в борьбу. Об этом повествуют письменные источники. Известны и факты репрессий, которым подвергались аристократы со стороны ханов, захватывавших центральную власть в государстве. Если присмотреться к плану городища, то можно заметить, что вал и ров, построенные одновременно, проходили так, что не затрагивали ряд больших усадеб. Исследованная же нами усадьба была насильственно расчленена, что нельзя не расценить как меру репрессивную. Быть может, этот факт нужно рассматривать именно как эпизод в борьбе новых ханов и старой вельможной прослойки¹⁰.

Экспедиция ведет систематические раскопки небольшого золотоордынского города (предположительно Белджамена), руины которого находятся близ г. Дубовка, Волгоградской области. Это так называемое Водянское городище. Последнее можно отождествить с поселком русских и

¹⁰ Подробнее см.: А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сараяе. «Советская археология», 1970. № 3.

болгар, где в 1253 г. побывал Рубрук, описавший здесь переправу через Волгу¹¹. Действительно, археологические материалы из Водянского городища позволяют засвидетельствовать здесь наличие русского населения. Известно, как много подневольных, угнанных монголо-татарами из родных мест людей проживало в Золотой Орде. Среди них находились и русские. Об этом сообщается в летописях, поется в песнях. Колония русских на Водянском городище документирована находками русской керамики XIV в., нательных крестов, икон, деталей панникадила, серебряной серьги русского типа и других вещей. Жили здесь и болгары. Ряд домов имеет отопление под полом, хорошо известное в городах Волжской Болгарии еще в домонгольское время. Открыты также большие колоколовидные зерновые ямы болгарского типа.

В 1971—1972 гг. была полностью раскопана большая мечеть, аналогичная знаменитой «четырёхугольной» болгарской соборной мечети XIII—XIV вв. на городище Великие Болгары. Водянская мечеть была построена во второй половине XIV века. После того, как она перестала функционировать и была заброшена, ее использовали как место захоронения мусульман-горожан. Стены мечети были сложены из камней на глине, покрыты белой штукатуркой изнутри и кое-где снаружи. В плане мечеть была прямоугольной, в южной стене располагалась ниша — михраб, обращенная в сторону Мекки. Над михрабом помещена алебастровая плита с надписью из корана. Перед михрабом имеется пристройка из дерева, в ее центре врыта мраморная ранневизантийская колонна, служившая подставкой для корана. Под колонну была подложена в качестве упора часть распиленной позднеантичной капители. Эти мраморные архитектурные детали были привезены монголами, очевидно, из старых разрушенных ими городов Причерноморья. Внутреннее пространство мечети было разделено пятью рядами колонн на 6 нефов, каждый шириной в 4 метра. В северной стене находился вход в мечеть, обрамленный двумя пилонами, сложенными из тесаных каменных плит. У северо-восточного угла обнаружен докол минарета, сложенный тоже из каменных плит. Выше докола, вероятно, находился минарет — от него остался развал кирпичей. Среди них попадались и голубые

поливные изразцы, алебастровые вставки с эпиграфическим орнаментом и алебастровые украшения с меандровыми узорами. Все это когда-то украшало минарет. Раскопки мечети свидетельствуют о густоте заселенности золотоордынского города: для этой постройки не нашлось свободного места и была специально расчищена довольно большая территория, застроенная до того обычными каменными домами и землянками, остатки которых сохранились на месте мечети.

И Царевское и Водянское городища погибли, видимо, в 1395 г., во время разгрома поволжских городов Золотой Орды войсками Тимура. Во многих домах обнаружены останки горожан: разрубленные или изуродованные скелеты, наскоро положенные без какого-либо обряда под стенами домов, кучи черепов. Найдены детские костяки в печах, костяки взрослых людей в подпольях. Упомянутая датировка гибели джучидских городов (1395 г.) подтверждается также нумизматическим материалом. Выросшие при покровительстве центральной ханской власти, которая обеспечивала их рабской силой из завоеванных земель и материальными ресурсами, а также заботилась о безопасности торговых магистралей, порядке и унификации денежного обращения, золотоордынские города XIV в. превратились в довольно крупные ремесленные центры. В Сарае-Берке раскопана мастерская по изготовлению поливных плиток для мозаик. Нарезанные в другой мастерской, эти плитки здесь покрывались цветной поливой и обжигались. Мастер, изготовлявший их, делал и глиняные игрушки. На том же городище найдены два горна из мастерской по производству красноглиняной поливной посуды с гравировкой и красноглиняной же штампованной керамики. Специализация двух этих мастерских указывает на процесс дифференциации ремесел. Наблюдения над готовыми изделиями позволяют сделать вывод о сравнительно высоком уровне стандартизации ремесла. Так, на Водянском городище обнаружена мастерская бронзолитейщика, а в ней каменные формочки для литья изделий и множество отходов производства.

Но наибольшее число производственных отходов найдено в гончарной мастерской в Сарае-Бату. В ней было множество горнов, в которых изготовлялась разнообразная посуда: поливная красноглиняная; поливная на особом белом «кашине», напоминающая иранский полуфаянс, с богатой рос-

¹¹ План о Карпини. История монголов.— Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 118.

писью; неполиваная простая красноглиняная керамика; штампованная керамика как с поливой, так и без нее. В этих же горнах изготовлялись и изразцы. Керамика разного типа обжигалась в соответствии с требуемым температурным режимом. На примере этой мастерской видно соединение нескольких керамических производств, хотя на других памятниках Золотой Орды устанавливается их достаточно четкая дифференциация. Может быть, это объясняется особой организацией ремесла. На Царевском городище существовали два типа такой организации: ремесленники в аристократической усадьбе и ремесленники — представители городского полусвободного плебса, объединявшиеся, наверное, по улицам. Но была, вероятно, и третья форма — большие рабские мастерские, находившиеся во владении какого-либо представителя правящих верхов, богатого купца или иногда самого хана. Эти мастерские, так называемые «кархана», хорошо известны в Иране XIII—XIV веков. Весьма возможно, что именно эта форма организации вызвала сосредоточение разных видов керамического производства в пределах одной мастерской. Ремесленное производство в золотоордынских городах характеризуется смешением ремесленных традиций многих покоренных монголами стран. Это неоднократно отмечалось в литературе¹². В Сарая-Бату раскопана также стеклоделательная мастерская, поставлявшая бусы, браслеты, перстни и медальоны. Обнаружены следы мастерской по производству костяных перстней. Несмотря на то, что Сарай-Бату в 1330-х годах уступил место столичного города Сарая-Берке, он по-прежнему, должно быть, оставался центром ремесленного производства и торговли в Золотой Орде.

В Золотой Орде велась оживленная торговля. Материалы раскопок показали существенную долю в ней среднеазиатского, иранского и закавказского компонентов. Эти контакты отразились и на золотоордынской культуре, о чем свидетельствуют

орнаментационные мотивы на керамике, некоторые виды архитектурного декора. В золотоордынских городах были распространены иранская литература и язык, ярким примером чему являются переводы персидских стихов на кыпчакский язык¹³, персидские стихи на изразце и блюде из Сарая-Берке, сделанные по заказу какого-то местного жителя, знаменитый «Codex Sinaiticus» — половецко-персидско-латинский словарь для купцов, торговавших в Золотой Орде. Найденные здесь памятники эпиграфики дают большое языковое разнообразие: арабские благожелательные надписи на вещах, в том числе амулетах, изречения из корана, персидские стихи на керамике, кыпчакские надписи арабскими буквами на кости, уйгурское письмо и наряду с этим большое количество тамг на керамике, восходящих к хазарским знакам и буквам орхонского письма тюрков.

Торговые пути перекрещивались в Сарая-Бату и Сарая-Берке. Монета из королевства крестоносцев в Бейруте XIII в. и китайские фарфор и шелк, русские вещи и иранская посуда, крымская керамика и сирийско-египетское стекло, украшенное цветными эмальями, индийские золотые монеты дельийских султанов и арабские ткани — таково разнообразие вещей, занесенных торговыми караванами в эти золотоордынские города. Нумизматический материал, собранный на золотоордынских городищах, культурный слой которых богат находками монет, дает возможность говорить о развитии внутреннего мелкого городского торгового и вместе с тем свидетельствует об упадке экономики золотоордынских городов уже в 1370-х годах. Как только стала ослабляться центральная власть ханов, города Золотой Орды начали хиреть. Будучи в значительной мере искусственными новообразованиями в степи, они поддерживались в первую очередь центральной властью. Лишенные обычных связей с периферией, с местным кочевым миром, эти города в XV в. пришли в упадок, и территорию Нижнего Поволжья вновь захватили кочевники.

Г. А. Федоров-Давыдов

¹² А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры. Т. VI, вып. 2. 1930.

¹³ См. Хорезми. Мухаббат-наме. М. 1961, стр. 7 сл.